
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XIX

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается ведущим российским монголоведам, юбилярам 2017 года
М. И. Гольману, В. В. Грайворонскому и К. Н. Яцковской

St. Petersburg
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Монголия в жизни М. И. Гольмана (<i>Е. В. Бойкова</i>)	5
Ведущий монголовед России М. И. Гольман: 90 лет со дня рождения и 65 лет творческой деятельности (<i>Ю. В. Кузьмин</i>)	9
«Вся моя жизнь связана с Монголией и ее народом» (к 80-летию В. В. Грайворонского) (<i>К. В. Орлова</i>)	15
К юбилею Клары Николаевны Яцковской (<i>Л. Г. Скородумова</i>)	19
К. Н. Яцковская и её дорога к познанию Монголии, монголов и монгольской песни (<i>Е. Э. Хабунова</i>)	5
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Титулы властной элиты Монголии в летописи XIX в.	29
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Т. Г. Басангова. Образ Зара Цецена (Ежа Мудрого) как культурного героя в фольклорной традиции калмыков и ойратов Синьцзяна.	34
Б. Х. Борлыкова. О собирателях калмыцкого песенного фольклора XIX в.	38
Б. В. Меняев. Об исторических протяжных песнях ойратов Синьцзяна (по материалам журнала «Хан Tenggrі» («Хан Тенгер»))	42
А. А. Туранская. Имена монгольских ханов в колофонах уйгурских рукописей и ксилографов	48
Н. В. Ямпольская. О выражении <i>debisker-tür bayulyabai</i> в монгольских колофонах.	51
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
К. П. Батырева, С. Г. Батырева. Культурное наследие и туризм: войлок в современной художественной практике Калмыкии	56
АРХИВЫ ВОСТОКОВЕДОВ	
Отзыв О. М. Ковалевского о В. П. Васильеве. Подготовка к изданию, предисловие и комментарий — В. Ю. Жу- ков, И. В. Кульганек	62
А. М. Позднеев (1851—1920) в память о Бакши-ламе донских калмыков Менке Борманжинове (1855—1919) (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН). Подготовка к изданию, предисловие и комментарий — С. С. Сабрукова	68
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Н. В. Екеев. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Народы Евразии: История. Культура. Языки», посвященная 65-летию образования бюджетного научного учреждения Республики Алтай «Научно-исследовательский институт им. С. С. Суразакова», 200-летию со дня рождения алтайского писателя и просветителя Михаила Васильевича Чевалкова.	76
А. А. Туранская. Международная научная конференция «Слова Будды: Изучение монгольского Ганджура» (Бурхан багшийн айлдвар: Монгол Ганжуурын судалгааны олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал)	78
Д. А. Носов. Новая литература по монголоведению.	80
ПЕРЕВОДЫ	
Калмыцкие сказки о животных (перевод с калмыцкого Т. Г. Басанговой)	85
В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Главы вторая, третья, четвертая, пятая (перевод со старомонгольского Л. Г. Скородумовой)	88
Информация об авторах	103

К. Н. Яцковская и её дорога к познанию Монголии, монголов и монгольской песни

К. Н. Яцковская. 1990-е гг.

Яцковская Клара Николаевна родилась в 1927 г. в Минске [Скородумова, 2012. С. 157—167]. Окончив в победном 1945 г. школу № 613 города Москвы, в сентябре уже стала студенткой Монгольского отделения Московского института востоковедения. Студенческие годы дали ей возможность погрузиться в мир монгольской литературы, народной словесности, сформировали круг научных интересов, что в дальнейшем позволило ей стать известным монголоведом-востоковедом, автором ряда монографий («Моя Монголия. Вторая половина XX века» [2011], «Народные песни монголов» [1988], «Сто песен дархата Г. Давааджия» [1978], «Молодые поэты Монголии» [1973], «Поэзия Народной Монголии» [1985], «Современная монгольская новелла» [1974]) и более ста научных трудов, пополнивших историю монголоведения фундаментальными исследованиями, новыми фактами, основательными выводами.

К юбилею принято больше говорить о достижениях. Возможно, это легче сделать в сфере профессиональной деятельности юбиляра, ибо она всегда результативна.

Если работа человека выходит за рамки его рабочих планов, программ, научных трудов, кабинетов, профессионального сообщества, учреждений, страны, тогда ещё сложнее подвести итоги его такой разносторонней деятельности.

Трудно в одной статье представить биографию человека, чья жизнь наполнена событиями эпохального значения, встречами с выдающимися личностями, заботой и переживаниями за судьбу родных и дорогих людей; человека высокой нравственности, твердой гражданской позиции, высокого чувства справедливости.

Непросто в словах выразить свое признание человеку, который позволил начинающему исследователю поверить в свои силы и сделать первые несмелые шаги в другую жизнь — в науку, войти в научные круги и согласился быть научным руководителем в написании кандидатской диссертации молодой матери из далекого провинциального городка, каковой я являлась.

Попытаюсь коснуться всего лишь одной стороны жизни юбиляра — экспедиционной — важной для каждого фольклориста, полезной не только полевым материалом, но и узнаванием страны, народа — носителя и хранителя вековых традиций.

Кларе Николаевне пришлось заниматься сбором экспедиционного материала в пору «официально отброшенной старой культуры». Время, когда «золотая россыпь» народной поэзии продолжала сверкать всеми своими лучами, но люди пытались не замечать этого, когда культурные приоритеты были нацелены на новое, а старое вытеснялось с арены общественной жизни.

Вызывают восхищение материалы, собранные К. Н. Яцковской, и описание экспедиционных будней, содержащееся в её книге «Моя Монголия». Трудно поверить, что оно составлено столичным человеком, оказавшимся в бескрайних просторах Монголии, в кочевых юртах аратов-скотоводов. Ничто не осталось вне поля зрения Клары Николаевны — тонкого наблюдателя, квалифицированного специалиста, прирожденного фольклориста-собиранителя и вдумчивого исследователя поэтической мысли.

Фольклорные образцы, записанные ею во время экспедиции в *аймаках, худонах* Монголии и опубликованные в разных изданиях, в том числе монографических («Сто песен дархата Г. Давааджия», «На-

родные песни Монголии», «Моя Монголия»), представляют большую научную ценность не только своей аутентичностью, безукоризненностью перевода оригинального текста на русский язык, но и сопутствующим материалом, содержащим биографические сведения об исполнителе, о его репертуаре, о его предшественниках. Этот материал не ограничен рамками справочного раздела, а наполнен впечатлениями самого собирателя, его богатым ассоциативным мышлением, точными определениями и образными характеристиками всего увиденного и услышанного, он помогает читателю переместиться к далекому монгольскому очагу с терпким запахом дымка от горящего кизяка — *аргала* и ароматом молочного чая, представить обветренное и загорелое лицо сказителя *туульчи*, почувствовать динамику ритуальных жестов *йорялчина*, услышать безмерный напев монгольской протяжной песни *ууртын дуу*.

Научные труды К. Н. Яцковской по монгольскому фольклору, базирующиеся на полевых материалах, служат образцом научной достоверности излагаемых фактов и обобщений. Детализация процесса организации и осуществления записи значительно расширяет картину бытования фольклорной традиции и среду обитания её носителей: «С какого „Гнедого“ начнем? — спрашивает Пэлджээ. — Первым идет „Гнедой — игривые глаза“, — напоминает Намдаг. Плавно, спокойно ведет мелодию Пэлджээ. Намдаг тихонько вторит... Пэлджээ останавливается. Запаматовал. Намдаг подсказывает начало следующего куплета. ... Пэлджээ стал покачиваться из стороны в сторону, словно сидел в седле...» [Яцковская, 1988. С. 16—17]. Избирательность при выборе из репертуара певца песни для исполнения, отмеченная К. Н. Яцковской, свидетельствует об общности фольклорной традиции монгольских народов. Так, калмыцкий джангарчи Ээлян Овла при выборе для исполнения главы из героического эпоса «Джангар» обращался к своей аудитории с вопросом: «Ня, кенгийвулуй? Санлыгйовулуй» («Ну, кого отправим в путь? Отправим Санала»).

Диалог, на первый взгляд незначительный, указывает на то, что суть изображаемого события заключается не в самом происходящем действии, а в том, кому доверено его совершить.

Роль песни для монголов велика настолько, что её невозможно отделить от их жизни — повседневной и праздничной, от их верований, обычаев и обрядов, что подтверждается выводами исследователя: «В песнях слышны мотивы, идущие от тех далеких времен, когда была всеильна вера в магию слова... Все чувства монгол доверял песне, через песню старался учить добру, выражать свои благопожелания, помогать делу, которым занимался, — охоте, ското-

водству, наставлять образным словом, родившимся с постижением мудрости, афористическими речениями» [Яцковская, 1988. С. 36].

Трудно воздержаться от продолжения цитирования, поскольку важно каждое наблюдение пытливого ученого и опытного собирателя, его умение вместе с исполнителем пережить песенную историю, иной раз полную драматизма и безысходности, выдержать паузу: «Задумывается. На лице блуждает улыбка, скрывая какие-то светлые думы... Намдаг курит трубку с длинным халцедоновым мундштуком. Табак в неё набирается на несколько затяжек. Привычным жестом вытряхивает в серебряную чашечку пепел и снова набивает трубку. Две-три затяжки... Можно продолжать запись» [Яцковская, 1988. С. 17].

Комментарии подобного рода заставляют проникнуть в суть жизненной философии монголов, нацеленной на позитивное восприятие окружающей реальности, наполненной оптимизмом и мудростью. Они делают возможным «эмоциональное погружение в музыкально-поэтический мир монголов» [Кульганек, 2001. С. 12].

Собранные К. Н. Яцковской в различных регионах Монголии и изданные народные песни монголов, а их более 300, представляют «разные стадии развития песенного творчества монголов», составляют золотой фонд монгольской песенной поэзии, к которой имеют свободный доступ все исследователи песенной традиции монгольских народов, включая студентов и аспирантов. Архаические образцы песен, подобных песне «Сайхан талын эхэн» («Посреди прекрасной степи»), исполненной дербетом Западной Монголии Х. Гундзэном и напоминающей «о неприкосновенности животного-тотема», уже навсегда забыты их сородичами — российскими калмыками.

Экспедиционные материалы, зафиксированные в разное время и порой в тех же местах, где уже ранее осуществлялись записи ею самой, другими собирателями прошлого и настоящего столетий, значительно расширяют рамки современных научных исследований, «открывают возможность для исследования процессов эволюции песенного творчества в его живом бытовании» [Яцковская, 1988. С. 10]. Они позволяют обнаружить общее и особенное в песенной традиции монгольских народов. Например, ойратская песня «Усны эхэн Ханхалзуур» и калмыцкая «Һалдма», прославляющие исторического героя Галдаму (XVII—XVIII вв.) демонстрируют устойчивость мотива исключительности Галдамы и неоднородность вербального воплощения его образа в локальных традициях родственных народов:

Усны эхэн Ханхалзуур

Усны эхэн
Ханхалзуур сойлгоотой

Һалдма

Хадын көндэд
Хонхолзур нь архлата

Улсын чинь түрүүнд
Галдамбай баатар
[Яцковская, 1988. С. 214]

У воды на выстойке — Ханхалдзуур.
Во главе людей — Галдамбай богатырь
Перевод К. Н. Яцковской

Хаадудын дунд
Халдмалубчлата
[Оконов, 1989. С. 31]

В скалистой пещере —
Хонхолзур на приколе.
Среди ханов —
Галдама в доспехах
Перевод автора статьи

Труды ученого, занявшие свое достойное место в мировом монголоведении и — шире — востоковедении, не требуют оценки. Библиография по литературе и фольклору монгольских народов, наверное, уже не поддается счету. Не будет ошибочным утверждение, что изданий, в которых бы не упоминались научные публикации К. Н. Яцковской, — единицы.

Востребованность трудов ученого, их ценность измеряется не только количеством цитирований и ссылок на них. Книги К. Н. Яцковской в одинаковой степени полезны ученым, студентам, дипломатам, политикам, продиктованы желанием автора постичь монгольский мир во всей его полноте, познать особенности характера монгола, уловить его настроение по выражению лица, по отрывистым репликам: «...смотрю на лица пассажиров, стараюсь угадать, чем они занимаются, что позвало в дорогу. ... в разговоре, тихо журчащем в юрте [зал ожидания местных линий в 60-е годы прошлого столетия] часто слышатся слова „анхны цас“ („первый снег“). В том, как их произносят, звучит какая-то значительность» [Яцковская, 2011. С. 85]. Почувствовать и передать богатство и многообразие ощущений, настроений монгола, вызванных первым снегом, ожиданием зимы, может лишь человек, знакомый с философией монгольской поэзии, с бытомномада-скотовода, охотника: «Свежесть первого снега у поэта М. Цедендорджа олицетворяет радость охотника, оставившего след удачной охоты. Для поэта Б. Явуухулана первый снег — посланец небес, символизирующий чистоту Вселенной... Первый снег. Он задержал вылет в Гоби...» [Яцковская, 2011. С. 85].

Путевые записи Клары Николаевны восхищают совершенством художественного изложения информации, демонстрируют её умение связать обычное с возвышенным: «Зеленые-презеленые просторы да голубое небо с облаками. Начинаю думать, что за эту небесную голубизну так любят бирюзу женщины в Монголии и Тибете» [Яцковская, 2011. С. 85].

Не ускользает от её внимания и то, во что одеты монголы, чем они питаются, как обустроен их кочевой быт, с какой нежностью они относятся к детям. Известно, что экспедиционная запись не всегда ведется в комфортных условиях и, как правило, регламентируется сроком пребывания в том или ином месте. Удивительно, что во всех работах Клара Николаевна находит возможность выразить свое сердечное отношение к монгольским детям, оно проявляется в коротеньком диалоге с ними: «Кто тебе сшил портфель? — Мама», в знании их психологии: «...он был рад встрече и, конечно же, доволен, что похвалили его самодельный портфель, хотя изо всех сил, как взрослый, старался не выдавать своих эмоций», в заранее приготовленных сувенирах и гостинцах, которыми одариваются дети: «...принимая сверток, протянула — со сложенными ладонь к ладони — руки, при этом ласково и застенчиво улыбаясь».

Полевые исследования К. Н. Яцковской поражают не только богатством фольклорного материала, введенного в научный оборот, и важными научными обобщениями, обогатившими монголоведную науку, но и гуманистическими идеями, которыми пронизаны все её научные труды! Они могут служить образцом высокой нравственности ученого и его бережного отношения к культурному наследию монголов. Научная прозорливость, чуткое сердце и добрая душа ученого учит состраданию и преподносит уроки познания внутреннего мира монгола, сокрытого от непосвященных: «...если монголу тяжело на сердце, он уходит посидеть на берегу реки».

Слова: «Я верю в красоту человеческих отношений, в их истинность, не поддающуюся никакой конъюнктурной ржавчине. Эта красота негленна. Каждый идет к ней своей дорогой» — могут принадлежать только человеку высокой внутренней культуры и щедрой души. Таким человеком является Клара Николаевна Яцковская.

Е. Э. Хабунова

Использованная литература

Кульганек, 2001: *Кульганек И. В.* Мир монгольской песни. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001 (*Kulganek I. V.* Mir mongolskoy pesni. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001).
Михайлов, Яцковская, 1969: *Михайлов Г. И., Яцковская К. Н.* Монгольская литература. Краткий очерк. М.: Наука,

1969 (*Mikhailov G. I., Yazkovskaya K. N.* Mongolskaya literature. Kratkiy ocherk. M.: Nauka, 1969).
Оконов, 1989: *Оконов Б. Б.* Төрскн хазрин дуд. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1989 (*Okonov B. B.* Terskn-gasrindud. Elista: «Kalmyzkoe knijnoe isdatelstvo», 1989).
Скородумова, 2012: *Скородумова Л. Г.* К юбилею Клары Николаевны Яцковской // Российское монголоведение.

- Бюл. VI. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012 (*Skorodumova L. G. K yubileyu Klary Nikolaevny Yazkovskoy // Rossiyskoe mongolovedenie. Bul. VI. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2012*).
- Яцковская, 1978: *Яцковская К. Н. Сто песен дархата Г. Давааджия. М., 1978 (Yazkovskaya K. N. Sto pesen darhata G. Davadjiya. M., 1978)*.
- Яцковская, 1988: *Яцковская К. Н. Народные песни монголов. М.: Наука, 1988 (Yazkovskaya K. N. Narodnye pesni mongolov. M.: Nauka, 1988)*.
- Яцковская, 2002: *Яцковская К. Н. Поэты Монголии XX в. Институт востоковедения РАН. М., 2002 (Yazkovskaya K. N. Poety Mongolii XX v. Institut vostokovedeniya RAN. M., 2002)*.
- Яцковская, 2011: *Яцковская К. Н. Моя Монголия (вторая половина XX века). М.: Спутник+, 2011 (Yazkovskaya K. N. Moya Mongoliya (vtoraya polovina XX veka). M.: Sputnik+, 2011)*.